

·thebigbook·

М. М. КЕЙ

ДАЛЕКИЕ
ШАТРЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 33

M. M. Kaye
THE FAR PAVILIONS
Copyright © M. M. Kaye, 1978
All rights reserved

Перевод с английского Марии Куренной

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

Карты выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-11778-5

© М. Куренная, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

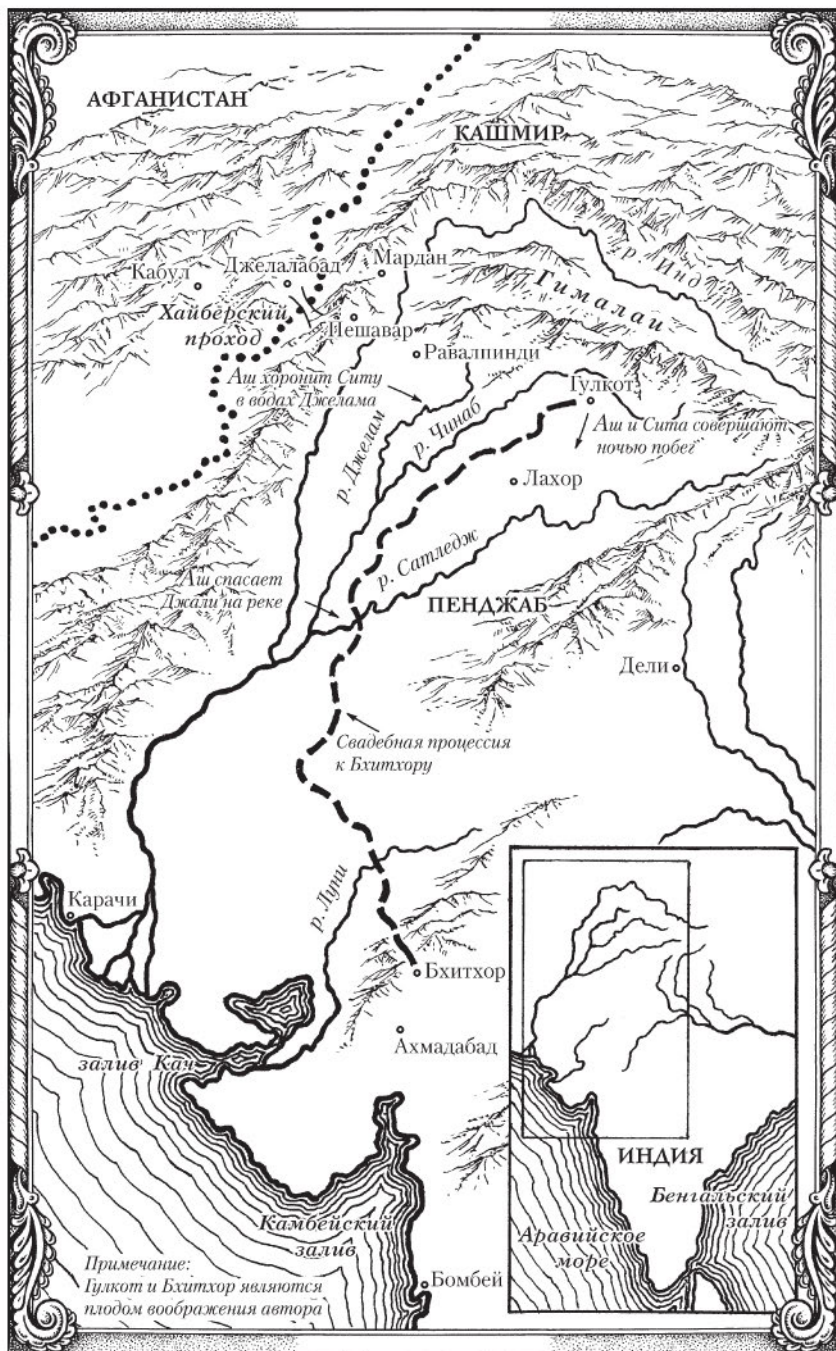
*Посвящается всем офицерам и солдатам
разных рас и вероисповеданий,
с 1846 года верой и правдой служившим в Корпусе разведчиков,
и среди них лейтенанту Уолтеру Гамильтону,
кавалеру ордена «Крест Виктории»,
моему мужу генералу Гоффу Гамильтону,
кавалеру ордена Бани 3-й степени,
ордена Британской империи 2-й степени,
ордена «За безупречную службу»,
и его отцу полковнику Биллу Гамильтону,
кавалеру ордена Британской империи 4-й степени,
мировому судье*

Мы пилигримы, мастер. Мы пойдем
Все дальше и вперед. Быть может, там,
За пиками заснеженных вершин,
За штормовым иль безмятежным морем,
На троне царствуя иль хоронясь в пещере,
Живет пророк, кому дано понять,
Зачем на свет родится человек...

Джеймс Элрой Флекер

Никогда не слишком поздно искать новый мир.

Альфред Теннисон

Часть 1

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

1

Аштон Хилари Акбар Пелам-Мартин появился на свет в лагере близ вершины перевала в Гималаях и впоследствии был крещен в патентованном парусиновом ведре.

Своим первым криком он отважно соперничал с рычанием леопарда ниже по склону, а с первым вздохом набрал полную грудь холодного воздуха, мощные потоки которого неслись с далекой твердыни гор, принося с собой свежие ароматы снега и сосновой хвои, разбавившие вонь горячего керосина, запах крови и пота и едкий дух вьючных пони.

Изабелла задрожала, когда ледяной сквозняк приподнял палаточный полог и колыхнул язычок пламени в закопченном фанаре «молния», и, прислушиваясь к громким воплям сына, проговорила слабым голосом:

— По крику он не похож на недоношенного, верно? Думаю, я... наверное, я... ошиблась в расчетах...

Так оно и было, и именно ошибка в расчетах столь дорого стоила ей. В конце концов, иным из нас приходится платить жизнью за подобные ошибки.

По понятиям того времени — а речь идет об эпохе Виктории и Альберта, — Изабелла Аштон была чрезвычайно неординарной молодой женщиной, и дело не обошлось без недоуменно вскинутых бровей и неодобрительных замечаний, когда в год Великой выставки¹ она, незамужняя, двадцати одного года от роду, сирота, прибыла в военный городок в Пешаваре, на северо-западной границе Индии, намереваясь вести домашнее хозяйство своего единственного оставшегося в живых родственника — холостого брата Уильяма, который недавно получил назначение во вновь созданный Корпус разведчиков.

Недоуменно вскинутые брови поднялись еще выше, когда год спустя Изабелла вышла замуж за профессора Хилари Пелам-Мартина, из-

---

¹ *Великая выставка* — первая международная промышленная выставка, организованная в Лондоне в 1851 г. — *Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.*

вестного лингвиста, этнолога и ботаника, и отправилась вместе с ним в неспешную бессистемную экспедицию по исследованию равнин и предгорий Индостана, не взяв с собой даже служанки.

Хилари был немолод и эксцентричен, и никто — а в первую очередь он сам — так никогда и не понял, почему он вдруг решил жениться на бесприданнице, пусть и общепризнанной красавице, вдвое моложе его и совершенно незнакомой с Востоком, или почему после долгих лет холостой жизни он вообще решил жениться. Мотивы Изабеллы, с точки зрения пешаварского светского общества, объяснялись проще: Хилари был достаточно богат, чтобы жить в свое удовольствие, а благодаря своим опубликованным трудам уже приобрел известность в научных кругах всего цивилизованного мира. Мисс Аштон, заключили все, сделала очень выгодную партию.

Но Изабелла вышла замуж не из-за денег и не из честолюбия. Несмотря на свой решительный нрав, она была импульсивна и весьма романтична, и образ жизни Хилари показался ей истинным воплощением романтики. Что может быть увлекательнее беззаботной кочевой жизни: привалов на лоне природы, переходов, исследования незнакомых местностей и руин забытых империй, ночевок в палатке или под открытым небом и полной свободы от условностей и ограничений современного общества? Она руководствовалась также и другим, возможно более веским, соображением — необходимостью вырваться из невыносимой ситуации.

Приехав без всякого предупреждения в Индию, Изабелла была жестоко разочарована, когда обнаружила, что брат, отнюдь не обрадовавшийся встрече, не только повергнут в ужас перспективой опекать сестру, но и совершенно не в состоянии обеспечить ее хотя бы кровом. В то время разведчики почти постоянно вели боевые действия против приграничных племен и редко получали возможность мирно жить в своих казармах в Мардане, а потому прибытие Изабеллы привело в смятение как Уильяма, так и весь полк. Они умудрились временно устроить ее в доме полковника и его жены миссис Пемберти в Пешаваре. Но это оказалось неудачным решением.

Пемберти были людьми, исполненными самых благих намерений, но невыносимо скучными. Более того, они открыто порицали поведение мисс Аштон, приехавшей на Восток без подобающего молодой девушке сопровождения, и очень старались своими советами и личным примером сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное ее приездом. Изабелла вскоре поняла, что от нее требуют неукоснительного соблюдения нелепых правил хорошего тона. Этого делать не следует, так поступать не рекомендуется... Список запретов был бесконечным.

Эдит Пемберти нисколько не интересовалась страной, где они с мужем прожили большую часть жизни, и считала местных жителей ди-

карями и язычниками, из которых терпением и строгостью можно воспитать превосходных слуг. Она не допускала мысли о сколько-нибудь близком общении с ними на каком-либо уровне и не понимала, а равно и не одобряла страстного стремления Изабеллы тщательно обследовать базары и улочки туземного города и совершать конные прогулки по открытой равнине, простиравшейся к югу от Инда и реки Кабул, или среди пустынных холмов Хайбера, расположенных к северу.

— Там нечего смотреть, — говорила миссис Пемберти, — а тамошние племена состоят из кровожадных дикарей, совершенно не заслуживающих доверия.

Ее муж полностью разделял такое мнение, и восемь месяцев, проведенных в доме Пемберти, под конец стали казаться бедной Изабелле восемью годами.

Она не завела никаких друзей, ибо, к сожалению, гарнизонные дамы, обсуждая ее за чаем, пришли к заключению, что мисс Аштон легкомысленна и, скорее всего, приехала в Индию с целью заарканить себе мужа. Данное суждение повторялось вслух столь часто, что в конце концов с ним согласились все гарнизонные холостяки, которые при всем своем восхищении красотой, непринужденными манерами и превосходной скаковой посадкой мисс Аштон не желали оказаться легковерными жертвами охотницы за мужьями и, как следствие, держались от нее в стороне. Поэтому едва ли приходится удивляться, что Изабеллу уже с души воротило от Пешавара к тому времени, когда в гарнизоне появился профессор Пелам-Мартин в сопровождении своего старого друга и постоянного спутника сирдар-бахадур¹ Акбар-хана, разношерстной толпы слуг и попутчиков и четырех запертых якданов, содержащих образцы растений, манускрипт с трактатом на санскрите и подробный шифрованный отчет с почерпнутыми из официальных, полуофициальных и неофициальных источников сведениями о разнообразных событиях, происходивших во владениях Ост-Индской компании...

Хилари Пелам-Мартин очень походил на покойного мистера Аштона, чрезвычайно благожелательного и эксцентричного джентльмена, а Изабелла обожала отца. Возможно, этим отчасти объясняется ее моментально вспыхнувший интерес к профессору и блаженное чувство спокойствия и непринужденности, которое она испытывала в его обществе. Все в нем: образ жизни, глубокий интерес к Индии и здешнему народу, дружба с седым хромоногим Акбар-ханом и полное пренебрежение правилами, определявшими поведение и взгляды людей вроде супругов Пемберти, — все пришлось по душе Изабелле. Для нее Хилари олицетворял собой одновременно бегство от безрадостного насто-

¹ *Сирдар-бахадур* — кавалер ордена Британской Индии I степени (награждались индийцы, служившие в британской армии). — *Примеч. ред.*

ящего и уверенность в будущем, и она вступила в брак столь же бодро и бесстрашно, как в свое время ступила на борт корабля «Гордон-Касл» в Тилбери, чтобы совершить долгое путешествие в Индию. И на сей раз она не осталась разочарованной.

Хилари, правда, относился к Изабелле скорее как к любимой дочери, чем как к жене, но такое отношение казалось приятно привычным и приносило ощущение стабильности и постоянства в полную случайностей кочевую жизнь, которая стала ее уделом в последующие два года. Никогда прежде не любившая, она не располагала мерилom для оценки своих нежных чувств к рассеянному, добродушному и чуждому всяких условностей мужу и была довольна в той полной мере, в какой вправе быть довольным любой человек. Хилари позволял Изабелле ездить верхом, и два счастливых года они путешествовали по Индии, исследуя предгорья Гималаев, доезжая по дороге Императора Акбара до самого Кашмира и возвращаясь на зиму в равнины, простиравшиеся между разрушенными гробницами и дворцами погибших городов. Большую часть времени Изабелла проводила без женского общества и не испытывала нужды в нем. В ее распоряжении всегда имелись книги для чтения или мужнины образцы растений, подлежащие обработке и каталогизации, а вечерами она обычно читала либо занималась гербарием, в то время как Хилари и Акбар-хан играли в шахматы или горячо спорили по сложным вопросам политики, религии, божественного предопределения и расовых конфликтов.

Седовласый хромой сирдар-бахадур Акбар-хан был отставным офицером прославленного кавалерийского полка. Он получил ранение в битве при Миани и по увольнении обосновался в своем родовом поместье на берегу реки Рави с намерением провести остаток дней за такими мирными занятиями, как возделывание земли и изучение Корана. Мужчины познакомились, когда Хилари стоял лагерем близ родной деревни Акбар-хана, и сразу прониклись симпатией друг к другу. У них обнаружилось много общего по части характера и мировоззрения, и перспективы оставаться на одном месте до самой смерти перестала устраивать Акбар-хана.

— Я старый человек, ныне вдовый, да и бездетный тоже: мои сыновья погибли на службе Компании, а дочь замужем. Что меня держит здесь? Давайте путешествовать вместе, — сказал Акбар-хан. — Для человека, отжившего свое, в палатке всяко лучше, чем в четырех стенах дома.

С тех пор они путешествовали вместе и стали добрыми товарищами. Но Акбар-хан довольно скоро понял, что интерес друга к флоре, руинам и диалектам страны служит превосходным прикрытием иного рода деятельности — составления отчетов о работе администрации Ост-Индской компании для неких членов правительства ее величества, которые имели основания подозревать, что дела в Индии обстоят

не так хорошо, как стараются представить официальные источники. Такого рода деятельность Акбар-хан горячо приветствовал и оказывал товарищу неоценимую помощь, так как знание своих соотечественников позволяло ему оценивать достоверность устных свидетельств более точно, чем получалось у Хилари. В течение нескольких лет они вдвоем составляли и отсылали в метрополию один за другим пространственные доклады, содержавшие факты и предостережения, многие из которых публиковались в британской прессе и использовались в дебатах в обеих палатах парламента, хотя, несмотря на всю пользу этого, они с таким же успехом могли бы заниматься исключительно ботаникой, ибо английская общественность предпочитала верить сведениям, представлявшим наименьшую угрозу для ее спокойствия, и игнорировать любую тревожную информацию. Впрочем, подобная слабость свойственна всем народам.

Профессор и его друг работали и путешествовали вместе уже пять лет, когда Хилари неожиданно прибавил к каравану свою жену, и Акбар-хан принял ее присутствие как нечто само собой разумеющееся, признавая за ней место в существующем порядке вещей и не придавая ее появлению особого значения в том или ином отношении. Он единственный из них троих не был неприятно поражен, когда стало ясно, что Изабелла беременна. В конце концов, предназначение женщины — рожать детей, и, конечно же, это будет сын.

— Мы сделаем из него офицера разведчиков, как его дядюшка, — проговорил Акбар-хан, размышляя над шахматной доской. — Или губернатора провинции.

Изабелла, как и большинство женщин ее поколения, не имела ни малейшего представления о процессах, сопряженных с деторождением. Она довольно поздно поняла, что беременна, и испытала сильное потрясение и немалое раздражение — пугаться ей никогда не приходило в голову. Ребенок явно осложнит кочевую жизнь: ему понадобятся постоянный уход, кормилица, особое питание и... Нет, честное слово, все это слишком хлопотно.

Хилари, тоже ошеломленный новостью, с надеждой предположил, что, возможно, она ошибается насчет своего положения, но, получив заверения в обратном, спросил, когда же ребенок появится на свет. Изабелла понятия не имела, но попыталась припомнить последние несколько месяцев, посчитала на пальцах, нахмурилась, посчитала еще раз и высказала мнение, на поверку оказавшееся абсолютно неверным.

— Мы должны направиться в Пешавар, — решил Хилари. — Там есть доктор. И другие женщины. Думаю, нам стоит прибыть туда за месяц до родов. А для пущей верности за шесть недель.

Вот так и вышло, что его сын появился на свет в богом забытой глуши, без помощи доктора, акушерки и лекарственных средств, известных медицинской науке.

Помимо двух жен уборщиков да нескольких безымянных, закрытых покрывалами родственниц случайных попутчиков, в лагере была только одна женщина, способная оказать помощь, — Сита, жена Даярама, главного саиса Хилари, горянка из окрестностей Кангана. Она покрыла себя двойным позором, за минувшие пять лет родив и потеряв пятерых дочерей, последняя из которых умерла на прошлой неделе, не прожив и трех дней.

— Похоже, она не способна рожать сыновей, — с отвращением сказал Даярам. — Но, видят боги, она набралась достаточно опыта, чтобы помочь появиться на свет чужому сыну.

Таким образом, именно бедная, робкая, похоронившая всех своих детей Сита принимала роды у Изабеллы. И она действительно знала достаточно, чтобы помочь младенцу мужского пола появиться на свет.

В том, что Изабелла умерла, Сита не была виновата. Изабеллу убил ветер, холодный ветер с далеких высоких заснеженных гор за перевалом. Он взметал клубы пыли с сосновой хвоей и заносил их в палатку, где фонарь так и норовил погаснуть на сквозняке, а в той пыли содержалась всякая гадость: гнилостные бактерии, болезнетворные микробы, мельчайшие частицы отбросов из этого лагеря и других лагерей. Ничего подобного не было бы в спальне в пешаварском военном городке, где английский доктор позаботился бы о молодой матери.

Тремя днями позже мимо лагеря проходил миссионер, направлявшийся через горы в Пенджаб, и к нему обратились с просьбой окрестить младенца. Он провел обряд крещения в складном парусиновом ведре и, по желанию отца, дал новорожденному имя Аштон Хилари Акбар, а затем ушел, не повидав матери ребенка, которая, как ему сказали, плохо себя чувствует — объяснение, ничуть не удивившее миссионера, поскольку несчастная женщина не могла получить надлежащий уход в таком лагере.

Задержись священник на пару дней, он получил бы возможность отправить заупокойную службу по миссис Пелам-Мартин. Изабелла скончалась через сутки после крещения сына и была похоронена мужем и его друзьями на вершине перевала, вздымающейся над палатками, и все обитатели лагеря, сокрушенные горем, присутствовали на скорбной церемонии.

Хилари тоже был убит горем. Но, помимо этого, он испытывал чувство сродни возмущению. Ну что, во имя всего святого, ему делать с ребенком теперь, когда Изабелла умерла? Он ничего не знал о младенцах, кроме того, что они постоянно орут и требуют пищи в любой час дня и ночи.

— Что же нам все-таки делать с ним? — спросил Хилари Акбар-хана, обиженно уставившись на сына.

Акбар-хан легонько потыкал младенца костлявым пальцем и рассмеялся, когда малыш уцепился за него крохотной ручонкой.

— О, он сильный, смелый мальчик. Он станет солдатом — командиром кавалерийского полка. За него не беспокойтесь, друг мой. Малыша выкормит жена Даярама, которая кормит его грудью с самого рождения. Своего ребенка она потеряла, что, безусловно, произошло по воле Аллаха, правящего ходом вещей в подлунном мире.

— Но мы не можем таскать его с собой, — возразил Хилари. — Нам надо найти кого-нибудь, кто уходит в отпуск, чтобы он отвез ребенка в Англию. Полагаю, Пемберти знают такого человека. Или молодой Уильям. Да, нам лучше поступить именно так: у меня в Англии есть брат, чья жена сможет позаботиться о мальчике до моего возвращения.

Решив этот вопрос, профессор последовал совету Акбар-хана и перестал беспокоиться. А поскольку ребенок чувствовал себя превосходно и редко подавал голос, они пришли к заключению, что никакой необходимости спешить в Пешавар нет, и, выбив имя Изабеллы на валуне над ее могилой, свернули лагерь и двинулись на восток, в направлении Гарвала.

Хилари так никогда и не вернулся в Пешавар, и в силу своей прискорбной рассеянности он так и не известил ни своего шурина Уильяма Аштона, ни каких-либо своих родственников в Англии, что стал отцом — и вдовцом. Редкие письма, по-прежнему приходившие на имя жены, время от времени напоминали Хилари о его долге. Но профессор всегда был слишком занят, чтобы уделять им внимание сразу по получении, поэтому они откладывались в сторону до лучшей поры и неизменно забывались. Точно так же он забыл Изабеллу и порой забывал даже о том, что у него есть сын.

Аш-баба — так стала называть ребенка кормилица Сита, а вслед за ней и все участники экспедиции — первые восемнадцать месяцев своей жизни провел среди высоких гор и первые шаги сделал на скользком травянистом склоне неподалеку от могучего пика Нандадеви, одетого вечными снегами. Если бы вы увидели малыша, неуклюже ковыляющего по лагерю, то приняли бы его за родного сына Ситы: Изабелла была черноволосой сероглазой смуглянкой с медового цвета кожей, и сын пошел в нее. Он также унаследовал от матери значительную долю красоты и, по словам Акбар-хана, обещал стать весьма привлекательным мужчиной.

Хилари изучал диалекты горных племен и собирал дикие растения, не задерживаясь подолгу на одном месте. Но более важные дела вынудили профессора отвлечься от этих занятий. Спустившись с гор, экспедиция двинулась на юг через Джханси и Сатару и наконец достигла покрытого буйной растительностью и изобилующего длинными белыми пляжами Коромандельского берега.

Жару равнин и влажный воздух юга Аш-баба переносил хуже, чем горную прохладу, а Сита, будучи горянкой, тосковала по горам и часто рассказывала мальчику истории о своих родных краях на севере стра-

ны, среди могучих хребтов Гиндукуша. Рассказывала о ледниках и снежных лавинах, о затерянных долинах, где текли реки, полные форели, и землю устилала пестрая ковры из цветов, где весной в воздухе разливалось благоухание цветущих фруктовых деревьев, а золотым дремлым летом вызревали грецкие орехи. Со временем Аш-баба любил эти истории более всех прочих, и Сита придумала долину для них двоих, где однажды они построят дом из глины и сосны, с плоской кровлей, на которой станут сушить маис и красный перец, и посадят чудесный сад, где будут выращивать миндальные и персиковые деревья и держать козу, щенка и котенка.

Сита, как и все остальные участники экспедиции, не говорила по-английски, и к четверем годам Аш не сознавал, что язык, на котором отец изредка обращается к нему, — это его родной язык (или, по крайней мере, должен быть таковым). Унаследовав от Хилари замечательные лингвистические способности, малыш овладел в многоязычной экспедиции рядом наречий: Сваб Гул научил его пушту, Рамчанд — хинди, а от уроженцы юга — тамильскому, гуджарати и телугу. Однако он предпочитал пользоваться языком пенджаби, на котором говорили Акбар-хан, Сита и ее муж Даярам. Аш редко носил европейскую одежду, поскольку Хилари нечасто задерживался в местах, где можно было достать подобные вещи. К тому же такая одежда решительно не подходила для здешнего климата и кочевой жизни. Поэтому мальчик обычно ходил в индусском или мусульманском костюме. Разногласия между Акбар-ханом и Ситой по поводу того, как Аш-бабу следует одевать, уладились путем компромисса: неделю он ходил в мусульманском наряде, неделю — в индусском. Но по пятницам — в священный день для мусульман — всегда в первом.

Осень 1855 года они провели в Сионийских горах, для видимости изучая диалект гондов. И именно здесь Хилари написал отчет о событиях, последовавших за произведенной Ост-Индской компанией аннексией (он назвал это кражей) княжеств Нагпур, Джханси и Танджор. В своем рассказе об увольнении Компанией злополучного комиссара и бывшего министра-резидента Нагпура, мистера Мэнсела, имевшего неосторожность предложить более великодушные условия соглашения семейству покойного раджи, он не пожалел красок.

Вся так называемая политика аннексий вследствие прекращения наследственного права на власть, то есть присвоения Компанией любого местного княжества, где правитель не имел прямого наследника, — вопреки многовековой традиции, позволившей бездетному мужчине усыновить преемника из числа своих родственников, — была, по утверждению Хилари, не более чем лицемерным термином для обозначения безобразного и непростительного деяния, а именно бесстыдного ограбления и обмана вдов и сирот. Упомянутые в докладе правители (а Хилари подчеркнул, что Нагпур, Джханси и Танджор являются лишь тремя из княжеств, которым суждено стать жертвами этой чудовищ-

ной политики) верно служили интересам Компании, что не помешало этой самой Компании отнять у их вдов и родственниц наследственные права вкупе с фамильными драгоценностями и прочими наследуемыми предметами собственности. В княжестве Нагпур, аннексированном вследствие прекращения права на власть после смерти раджи, у правителя имелась дочь, и президент мистер Форбс с похвальным мужеством (если учесть меры, примененные к злополучному мистеру Мэнселу) выступил в защиту интересов принцессы, утверждая, что по условиям договора, заключенного между Танджором и Компанией, власть должна переходить к любым наследникам, не обязательно мужского пола. Но его доводы остались без внимания. Во дворец внезапно вошел многочисленный отряд сипаев, и представители Компании наложили арест на все имущество, движимое и недвижимое, опечатали все драгоценности и ценные вещи, разоружили войско покойного раджи и конфисковали поместье его матери.

Но дальше стало еще хуже, писал Хилари, ибо последующие события пагубно повлияли на жизнь и благоденствие многих людей. По всему княжеству арендаторы всех участков земли, когда-либо принадлежавших любому из предыдущих раджей Танджора, выдворялись из своих владений с предписанием явиться к британскому комиссару для подтверждения права собственности, и все, кто жил за счет финансирования из доходных статей княжества, впали в панику от перспективы остаться без работы. В течение недели Танджор из самого благополучного района во владениях Компании превратился в очаг недовольства. Местные жители глубоко почитали свою правящую династию, и ее отстранение от власти привело всех в крайнее негодование — даже сипаи отказывались получать жалованье. В Джханси тоже имелся малолетний наследник престола — всего лишь дальний родственник покойного раджи, но официально усыновленный последним, и Лакшми-Баи, очаровательная вдова раджи, пыталась звать к справедливости, ссылаясь на долгое служение своего мужа интересам Компании, но безрезультатно. Джханси объявили территорией, перешедшей к британскому правительству, и передали под юрисдикцию губернатора Северо-Западных провинций, упразднив действующие там ведомства, сместив правительство раджи и немедленно рассчитав и распустив все войска княжества.

«Ничто, — писал Хилари, — не могло бы успешнее возбудить ненависть, злобу и негодование местного населения, чем этот наглый и безжалостный грабёж, возведенный в систему». Но у британской обществуности имелись другие предметы, требующие внимания. Война в Крыму оказалась делом дорогостоящим и разорительным, а Индия находилась далеко, вне поля зрения и сферы непосредственных интересов. Те немногие, кто неодобрительно цокал языком, читая доклады профессора, забывали о них уже через несколько дней, а старшие советники Ост-Индской компании объявили автора введенным в заблуж-

дением чудачком и попытались установить его личность и помешать ему пользоваться почтой.

Они не преуспели ни в первом, ни во втором — Хилари отсылал доклады на родину окольными путями. И хотя иные чиновники относились к деятельности профессора (в частности, к его близкой дружбе с туземцем) с подозрением, никакими уликами они не располагали. Подозрения же не имеют доказательной силы. Хилари продолжал свободно путешествовать по Индии и всячески старался внушить своему сыну, что величайшим грехом, какой только может совершить человек, является несправедливость и что против нее нужно всегда бороться всеми силами, даже если надежды на победу нет.

— Запомни на всю жизнь, Аштон: какими бы еще качествами ты ни обладал, будь справедливым. Поступай с людьми так, как бы тебе хотелось, чтобы поступали с тобой. Это значит, что ты никогда не должен поступать бесчестно. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Ни с кем. Ты меня понимаешь?

Конечно же, мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать. Но это наставление повторялось изо дня в день, и в конце концов до него постепенно дошло, что имеет в виду бара-сахиб — большой господин (он никогда мысленно не называл отца иначе), ведь дядя Акбар тоже часто беседовал с ним на данную тему, рассказывая разные истории и приводя цитаты из священной книги в подтверждение мысли, что человек превыше царей, и говорил, что, когда Аш вырастет и станет мужчиной, он убедится, что это правда. А потому он должен стараться быть справедливым во всех своих поступках, поскольку в нынешние дни в стране творится много чудовищной несправедливости людьми, облеченными и опьяненными властью.

— Почему местные жители мирятся с таким положением вещей? — однажды спросил Хилари Акбар-хана. — Их же миллионы против горстки представителей Компании. Почему они ничего не предпринимают, не поднимаются на защиту своих прав?

— Они поднимутся. В свое время, — невозмутимо ответил Акбар-хан.

— Так чем скорее, тем лучше, — резко заметил Хилари.

И добавил, что, сказать по чести, в стране все-таки есть хорошие сахибы: Лоуренс, Николсон, Бернс, люди вроде Мэнсела, Форбса, молодого Рэнделла в Лунджоре и сотни других — и что избавиться необходимо от тех, кто заправляет делами в Шимле и Калькутте, от этих напыщенных, алчных старых болванов, которые одной ногой стоят в могиле и давно отупели от жары, снобизма и преувеличенного сознания собственной значимости. Что же касается армии, то во всей Индии едва ли найдется хоть один британский старший офицер моложе семидесяти лет.

— Я не считаю себя человеком непатриотичным, — горячо продолжал Хилари, — но я не вижу ничего достойного восхищения в глупо-

сти, несправедливости и полной некомпетентности высокопоставленных должностных лиц, а в нынешней администрации три этих качества представлены в избытке.

— Здесь я не стану с вами спорить, — произнес Акбар-хан. — Но такое положение вещей переменится, и дети ваших детей забудут о преступлениях и будут помнить лишь о славных делах, тогда как наши потомки будут помнить лишь об угнетении и не признавать за вами никаких благих деяний. Однако вы сделали для страны много хорошего.

— Знаю, знаю. — Хилари иронично усмехнулся. — Возможно, я сам напыщенный и самодовольный старый болван. И возможно, будь старые болваны, на которых я жалею, французами, датчанами или немцами, я бы возмущался не так сильно, ведь тогда я мог бы сказать: «А чего еще от них ожидать?» — и почувствовать свое превосходство. Но они мои соотечественники, и именно поэтому мне хочется, чтобы они были безупречными.

— Безупречен один только Бог, — сухо ответил Акбар-хан. — Мы, создания Божьи, порочны и несовершенны независимо от цвета нашей кожи. Но некоторые из нас борются за справедливость, и это внушает надежду.

Хилари больше не писал докладов о деятельности Ост-Индской компании, генерал-губернатора и совета, но обратился к занятиям, которым всегда уделял львиную долю своего внимания. Появлявшиеся в результате рукописи, в отличие от шифрованных докладов, отправлялись по обычным почтовым каналам, где вскрывались, тщательно изучались и укрепляли представителей власти во мнении, что профессор Пелам-Мартин — всего лишь эрудированный чудака, не вызывающий никаких подозрений.

Экспедиция снова свернула палатки и, оставив позади пальмы и храмы юга, медленно двинулась на север. Аштон Хилари отметил свой четвертый день рождения в столице Моголов, городе-крепости Дели, где Хилари собирался закончить, выправить и отослать в Англию рукопись своей последней книги. По такому случаю дядя Акбар нарядил Аша в лучший мусульманский костюм и повел на богослужение в Джама-Масджид, великолепную мечеть, построенную императором Шах-Джаханом и обращенную фасадом к стенам Лал-Килы, могучего Красного форта на берегу реки Джамны.

Была пятница, народу в мечеть набилось видимо-невидимо, и многие люди, не сумевшие протолкнуться во внутренний двор, забрались на высокие ворота, а двое из-за давки сорвались вниз и разбились насмерть.

— Так было предопределено, — сказал дядя Акбар и продолжил молиться.

Аш стоял на коленях и клал земные поклоны по примеру остальных молящихся, а потом дядя Акбар научил его молитве Шах-Джахана «Хутпе», которая начиналась словами: «Господи! Покрой славой

ислам и всех приверженцев ислама через непреходящее могущество и величие Твоего раба султана, сына султана, императора, сына императора, правителя двух континентов и повелителя двух морей, воина Бога, императора Абдула Музаффара Шахабуддина Мухаммада Шах-Джахана Гази...»

— Что такое море? — спросил Аш. — И почему морей только два? И кто предопределил, чтобы те два дядьки упали с ворот?

В качестве ответного хода Сита нарядила своего приемного сына по-индусски и отвела в городской храм, где за несколько монет жрец в желтом облачении нанес мальчику на лоб пятнышко красной краской, и Аш пронаблюдал за тем, как Даярам совершает пуджу перед древним бесформенным каменным столбом, символизирующим бога Шиву.

У Акбар-хана было много друзей в Дели, и в обычных обстоятельствах он пожелал бы задержаться там подольше. Но в этом году он ясно чувствовал странные и тревожные подспудные настроения в обществе, и речи друзей нарушали его душевный покой. По городу ходили темные слухи, на узких шумных улочках царила напряженная атмосфера сдержанного зловещего возбуждения. Все это вызывало у него острое предчувствие надвигающейся беды.

— Что-то неладное затевается. В воздухе пахнет бедой, — сказал Акбар-хан. — Это не сулит ничего хорошего вашим соотечественникам, друг мой, а я не хочу, чтобы с нашим мальчиком приключилась какая-нибудь неприятность. Давайте уйдем отсюда куда-нибудь, где воздух чище. Города мне не по душе. Пороки и всякая мерзость плодятся в них, что мухи в навозной куче, а сейчас здесь зреет нечто худшее.

— Вы имеете в виду восстание? — спросил несколько не обеспокоенный Хилари. — То же самое можно сказать о доброй половине Индии. И по-моему, чем скорее оно начнется, тем лучше: нам необходим взрыв общественного недовольства, чтобы очистить воздух и пробудить от летаргического сна самодовольных болванов в Калькутте и Шимле.

— Оно, конечно, верно. Но взрывом может и убить, а я не хочу, чтобы мой мальчик расплачивался за ошибки своих соотечественников.

— Вы хотите сказать, *мой* мальчик, — поправил Хилари с легким неудовольствием.

— Ладно, наш. Хотя меня он любит больше, чем вас.

— Только потому, что вы его балуете.

— Вовсе нет. Просто я люблю его, и он это знает. Он плоть от плоти вашей, но дитя моего сердца, и я не хочу, чтобы он пострадал, когда разразится гроза, а она непременно разразится. Вы предупредили своих английских друзей в военном городке?

Хилари сказал, что делал это неоднократно, но они отказываются верить предупреждениям, и вся беда в том, что не только высокопоставленные чиновники на местах, члены совета в Калькутте и государ-

ственные служащие в Шимле почти ничего не знают о настроениях народа, которым правят, но и многие армейские офицеры плохо о них осведомлены.

— В былое время дела обстояли иначе, — сказал Акбар-хан. — Но генералы теперь состарились, разжирели и устали от службы, а офицеры переводятся с одного места на другое так часто, что не успевают узнать обычаи своих подчиненных или заметить, что сипаи начинают роптать. Мне не нравится история, случившаяся в Барракпоре. Правда, там взбунтовался всего один сипай, но, когда он застрелил своего офицера и угрожал убить самого генерала-сахиба, его товарищи молча наблюдали за происходящим и не пытались вмешаться. Однако, по моему мнению, было крайне неразумно расформировывать полк после казни преступника, ибо теперь к великому множеству недовольных прибавились еще три сотни человек, не имеющих хозяина. Из этого выйдет беда, и, думаю, очень скоро.

— Я тоже так считаю. И когда вспыхнут волнения, мои соотечественники будут потрясены и взбешены подобным вероломством и неблагодарностью. Вот увидите.

— Возможно... если мы доживем до этого, — сказал Акбар-хан. — Вот почему я и говорю: давайте отправимся в горы.

Хилари упаковал свои ящики, часть которых оставил на хранение в доме одного своего знакомого в военном городке за Грядой¹. Перед отбытием из Дели он намеревался написать несколько писем, которые следовало написать еще много лет назад, но снова отложил это на потом, поскольку Акбар-хану не терпелось поскорее покинуть город, а у него будет полно времени для столь тягостного дела в горах, где царят мир и покой. Кроме того, он так долго никому не писал, что месяц-другой задержки не имеют никакого значения. Утешившись этой мыслью, профессор засунул пачку оставшихся без ответа писем, включая полдюжины адресованных покойной жене, в картонную коробку с надписью «Срочное» и обратился к занятиям поинтереснее.

Весной 1856 года из печати вышла книга «Неизвестные диалекты Индостана» (том 1, проф. Х. Ф. Пелам-Мартин, бакалавр гуманитарных наук, доктор естественных наук, член Королевского научного общества и прочая и прочая), посвященная «Светлой памяти моей жены Изабеллы». Второй том данного сочинения был издан только осенью следующего года и содержал более пространное посвящение: «Аштону Хилари Акбару, с надеждой пробудить в нем интерес к предмету, доставившему бесконечное наслаждение автору. Х. Ф. П.-М.». Но к тому времени и Хилари, и Акбар-хан уже полгода как лежали в могиле, и никто не потрудился поинтересоваться, кто же такой Аштон Хилари Акбар.

¹ Автор имеет в виду древнюю горную гряду Аравали. — *Примеч. ред.*

Экспедиция двинулась на север, в направлении Тераи и предгорий Дуна, и именно там в начале апреля, когда воздух начал нагреваться и ночная прохлада отступила, их постигло несчастье.

Несколько пилигримов из Хардвара, которых они гостеприимно приняли на ночлег, принесли с собой холеру. Один из них умер в темный предрассветный час, а остальные в страхе бежали, бросив тело товарища, найденное слугами поутру. К вечеру трое людей Хилари заболели, и холера столь быстро справилась со своим черным делом, что ни один из них не дожид до рассвета. В лагере началась паника, многие похватили свои пожитки и скрылись, не истребовав расчета. А на следующий день тяжело занемог Акбар-хан.

— Уходите отсюда, — прошептал он Хилари. — Берите мальчика и бегите прочь поскорее, иначе тоже умрете. Обо мне не печальтесь. Я увечный старик, вдовый и бездетный. С чего мне бояться смерти? Но у вас мальчик... сын, который нуждается в отце.

— Вы были для него лучшим отцом, чем я, — сказал Хилари, держа друга за руку.

Акбар-хан улыбнулся:

— Я знаю, ведь ему принадлежит мое сердце. И я научил бы его... я научил бы его... Но уже слишком поздно. Уходите скорее.

— Нам некуда идти, — ответил Хилари. — Разве можно убежать от черной холеры? Коли мы уйдем, она уйдет с нами, а я слышал, в Хардваре умирает свыше тысячи человек ежедневно. Здесь всяко безопаснее, чем в городе, и вы скоро поправитесь — у вас достаточно сил, чтобы выздороветь.

Но Акбар-хан умер.

Хилари скорбел о смерти друга сильнее, чем некогда скорбел о кончине жены. После похорон Акбар-хана он уединился в своей палатке, написал два письма в Англию — одно брату, другое своему адвокату — и, вложив в них кое-какие находившиеся при нем документы и дагеротипы, аккуратно завернул оба в промасленный шелк. Запечатав пакет воском, профессор вновь взялся за перо и начал третье письмо — за поздалое письмо брату Изабеллы, Уильяму Аштону, которое собирался написать много лет назад, но почему-то так и не написал. Однако он спохватился слишком поздно. Холера, убившая Акбар-хана, протянула свою костлявую руку и дотронулась до плеча Хилари — и перо дрогнуло и упало на пол.

Часом позже, немного оправившись после мучительного приступа судорог, Хилари сложил незаконченное письмо, с трудом нацарапал на нем адрес и слабым голосом позвал своего носильщика Карима Букса. Но Карим Букс тоже умирал, и в конце концов именно Сита, жена Даярама, боязливо просеменила в сумерках через пораженный холерой лагерь с фонарем «молния» и едой для бара-сахиба. Повар и его помощники убежали много часов назад.

Она привела с собой Аша, но, увидев, в каком состоянии находится его отец, сразу же вытолкнула мальчика из зловонной палатки и запретила входить.

— Это правильно, — прохрипел Хилари, одобряя действия Ситы. — Ты разумная женщина, я всегда так считал. Позаботься о нем, Сита. Доставь Аша к сородичам. Не дай ему... — Не в силах закончить фразу, он нашарил слабеющей рукой незаконченное письмо и запечатанный пакет и подтолкнул к ней. — Деньги в той жестянке... возьми их... Вот так. Здесь вам должно хватить, чтобы добраться...

Очередная конвульсия сотрясла тело профессора, и Сита, спрятав деньги и письма в складках своего сари, попятилась прочь, а потом быстро отвела Аша за руку в его собственную палатку и уложила спать — на сей раз, к великому негодованию мальчика, без обычных песен и сказок на сон грядущий.

Хилари умер той же ночью, и к середине следующего дня холера унесла жизни еще четырех человек, в том числе и Даярама. Оставшиеся в живых разграбили опустевшие палатки и, забрав с собой лошадей и верблюдов, пустились в бегство на юг по равнине Тераи, бросив в лагере овдовевшую Ситу из страха, что она могла заразиться от мертвого мужа, а вместе с ней четырехлетнего сироту Аш-бабу.

Долгие годы спустя, когда многое другое стерлось у него из памяти, Аш по-прежнему хорошо помнил ту ночь. Жару и лунный свет, мерзкое рычание шакалов и гиен, дерущихся за добычу на расстоянии броска камня от маленькой палатки, где Сита сидела подле него на корточках, напряженно прислушиваясь, дрожа всем телом и глядя его по плечу в тщетной попытке успокоить и усыпить. Хлопанье крыльев и карканье пресыщенных стервятников на ветвях саловых деревьев, тошнотворный смрад разложения и ужасное, щемящее душу чувство безысходного отчаяния в ситуации, которую он не мог понять и которую никто не объяснил ему.

Аш не был испуган, поскольку еще ни разу прежде не имел причин бояться чего-либо, а дядя Акбар учил, что мужчина никогда не должен выказывать страха. Вдобавок по характеру он был необычайно смелым ребенком и за время походной жизни в джунглях, пустынях и неисследованных горах привык к повадкам диких зверей. Но он не понимал, почему Сита дрожит и плачет и почему она не позволила ему подойти к бара-сахибу, а равно не мог взять в толк, что случилось с дядей Акбаром и остальными. Он знал, что они умерли, ибо видел смерть и раньше. Видел тигров, застреленных у него на глазах с мачана, где ему разрешалось сидеть с дядей Акбаром; видел убитых тиграми животных — коз или молодых буйволов, задранных и частично съеденных хищником накануне; видел зайцев, уток и куропаток, подстреленных на обед. Все эти животные были мертвыми. Но дядя Акбар не мог умереть так же окончательно и бесповоротно, как они. Наверняка есть что-то неистребимое — что-то, что остается от людей, которые путеше-

ствовали и разговаривали с ним и рассказывали ему разные истории, от людей, которых он любил и на которых полагался. Но куда девается это что-то? Аш тщетно ломал голову и не находил ответа.

Сита натаскала терновых веток от ограды, некогда защищавшей лагерь, и сложила из них подобие высокой стенки вокруг палатки. Она поступила разумно: ближе к полуночи пара леопардов прогнала прочь шакалов и гиен, заявив о своих правах на лакомство, а незадолго до рассвета в джунглях за саловыми деревьями раздалось рычание тигра, и поутру они обнаружили отпечатки его лап в ярде от хлипкой изгороди из терновых веток.

Тем утром им пришлось обойтись без молока, да и еды было совсем мало. Сита дала Ашу остатки чапати — индийской пресной лепешки, а потом увязала в тюк скудные пожитки, взяла мальчика за руку, и они покинули страшный разоренный лагерь, лежащий в мерзости запустения.

2

Сите не могло быть больше двадцати пяти лет, но выглядела она вдвое старше своего возраста. Изнурительный труд, ежегодные беременности и роды, глубокое горе и разочарование от потери всех пятерых детей преждевременно состарили ее. Она не умела ни читать, ни писать и не отличалась умом, но обладала мужеством и преданным, любящим сердцем, и ей ни разу не пришлось в голову присвоить деньги, полученные от Хилари, или ослушаться приказа хозяина. Сита любила сына Хилари с самого его рождения, и вот теперь Хилари передал мальчика под ее опеку и велел доставить к сородичам. Кроме нее, никому позаботиться об Аш-бабе. Она за него отвечает и не подведет его.

Сита не имела понятия, кто сородичи мальчика или как их найти, но не особо беспокоилась по данному поводу, ибо помнила несколько домов в военном городке Дели, где отец Аш-бабы оставил значительную часть своего багажа, а также имя полковника-сахиба, проживавшего там. Она ответит ребенка в Дели, к Абутноту-сахибу и его мэм-сахиб, которые все устроят, а поскольку им, безусловно, понадобится аяя для малыша, Сите не придется расставаться с ним. Дели находился далеко на юге, но она ни на мгновение не усомнилась, что они благополучно доберутся до него, хотя из опасения привлечь к себе внимание по дороге — ведь ей никогда прежде не доводилось держать в руках столько денег, сколько было в жестянке у профессора, — она нарядила Аша в самую старую одежонку и строго-настрого запретила разговаривать с посторонними.

Они достигли окрестностей города Моголов только в мае: Аш был слишком тяжелым, чтобы Сита могла подолгу нести его на руках, а своим ходом он преодолевал не более нескольких миль в день, даром

Содержание

Часть 1. СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА	9
Часть 2. БЕЛИНДА	130
Часть 3. МИР ВНЕ ВРЕМЕНИ	213
Часть 4. БХИТХОР	411
Часть 5. РАЙ ДУРАКОВ	484
Часть 6. ДЖАЛИ	545
Часть 7. БРАТ МОЙ ИОНАФАН	730
Часть 8. ЗЕМЛЯ КАИНА	849
Словарь	987

Кей М. М.

К 33 Далекие Шатры : роман / М. М. Кей ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 992 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-11778-5

Английский аристократ по рождению, Аштон был воспитан простой индийской женщиной Ситой и считал себя индийцем. Он всегда верил, что счастье ждет его в зеленой долине за заснеженными вершинами гор под названием Дур-Хайма, что означает Далекие Шатры. Однако перед смертью Сита признается, что она не родная его мать и на самом деле он англичанин. Мальчика отправляют в Англию, чтобы он получил достойное образование. Окончив престижную военную академию, Аштон возвращается в Индию в надежде сделать достойную карьеру и встретить старых друзей. Однако через некоторое время молодой человек понимает: он так и не стал англичанином, но и жители Индии не считают его своим.

По долгу службы Аш сопровождает двух индийских принцесс в княжество, где должна состояться их свадьба. И во время этого долгого путешествия он влюбляется в одну из принцесс, Анджали, и хотя та отвечает ему взаимностью, влюбленные понимают, что им никогда не быть вместе. Кажется, они будут разлучены навсегда, но события начинают развиваться самым непредсказуемым образом...

«Далекие Шатры» — одна из величайших литературных саг нашего времени, стоящая в одном ряду с такими шедеврами, как «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл и «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

М. М. КЕЙ

ДАЛЕКИЕ ШАТРЫ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеве́рц

Художественный редактор Сергей Шикин

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректор Светлана Федорова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.02.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 62. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества

размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

